

Антон Васецкий

Васецкий Антон Алексеевич родился 28.03.1983 в Свердловске. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. Горького. В разное время работал на телевидении, радио, в электронных и печатных изданиях Екатеринбурга. Публиковался в журналах «Уральская новь», «Урал», «Волга», литературных сборниках «Facultet», «Три столицы» и др. Автор книги стихов «Стежки» (изд-во «Союз писателей», 2006, 300 экз.). Победитель турнира поэтов в рамках Нижегородского фестиваля «Литература – 2007». Куратор литературного проекта «Провинция показывает зубы» клуба «Русский институт» (2007 – 2008). Участник АСУП-3. С 2005 г. живет в Москве.

Филологическая маркировка стихов А.В.

Традиции, направления, течения: натурализм, модернизм, экзистенциализм, постмодернизм, постконцептуализм, соц-арт.

Основные имена влияния, переклички: Г. Иванов, В. Высоцкий, Р. Тягунов, Т. Кибиров.

Основные формальные приемы, используемые автором: метафоризм, интертекстуальность, метатекст.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: Север, термальное состояние холода, физическая ущербность, боль, хронотоп больницы, вокзал, поезд, ювенильность, черный цвет, поэзия, звук.

Творческая стратегия: апология трагического, мифологизация процесса творчества и фигуры поэта.

Коэффициент присутствия: 0,28

АВТОБИОГРАФИЯ

Сейчас уже сложно сказать, когда все это началось, и был ли этот путь уникальным. Наверное, нет. Ведь брал он свое начало еще в советском дошкольном детстве с неперемных Маршака, Чуковского, Барто, которых в детсаду нужно было учить наизусть и выступать с ними на утренниках.

Вероятно, это был естественный интерес к одному из способов только постигавшегося тогда го-

ворения. К внешней его стороне. Ведь возникшие однажды сами собой в голове строчки «День 8 Марта, папа ищет карту» вызывали детский восторг именно звуковой складностью. И никаким великим смыслом там и не пахло. Причем происходило это одновременно с формированием лингвистической картины мира, когда слово «батон» еще казалось по звучанию гораздо больше подходящим слову «мыло».

А еще были пластинки с Сергеем Михалковым, читающим «Дядю Степу» в зале с периодически раздающимися аплодисментами. И дедушка, рассказывающий про дуэль Пушкина и Дантеса. А еще ассоциативная память угодливо реставрирует сценку, когда ты спрашиваешь у мамы «Почему люди не говорят стихами всегда?»

Думая об этом спустя много лет, понимаешь, что у тебя просто не было альтернативы. Слишком многое в СССР было проникнуто поэзией (по крайней мере, внешней ее стороной). В результате образ поэта сформировался в твоём некрепшем сознании ненамного позже образа дедушки Ленина, который, если верить воспитательнице Валентине Макаровне, любил нас всех.

Потом ты идешь в долгожданный первый класс, где торжественность первой линейки усиливается звучащими на ней стихами (или наоборот), что, говоря современным сетевым языком «кагбе символизирует». Потом тебя ждет стандартная программа с заучиванием наизусть «Лес, словно терем расписной», «Однажды в студеную зимнюю пору» и, разумеется, «У лукоморья дуб зеленый», читать которые нужно «с выражением» – образом, совершенно отличным от детсадовского периода, когда тебе аплодировали только за то, что ты воспроизводил эти строки вслух.

Потом тебя не берут в октябрята из-за распада страны, но, видимо, в силу педагогической инерции учительница третьего класса Татьяна Владимировна все равно задает на дом написать басню, резюмируя задание словами «Каждый человек должен уметь писать стихи».

Эти ее слова так и тянет еще раз связать с излишней поэтизированнойностью советского строя, но справедливости ради отметим, что примерно теми же самыми словами Татьяна Владимировна задала все в том же третьем классе написать комический рассказ.

Увы, слова педагога играют злую роль – ты начинаешь писать. И, к сожалению, вовсе не комические рассказы. «Стихи» записываются в тетрадки. Тетрадки нумеруются и складываются в ящик стола. Разумеется, все это по-прежнему воспринимается лишь как способ говорения – что-то сродни ведению дневника, только с рифмами. Ни о какой художественности речи не идет. Но твою дурную привычку стимулирует необходимость

написания художественных переводов с английского, которые задают в школе.

К восьмому классу ты осваиваешь уже не только тонику, но и силлабику. Кажется, даже начинаешь замахиваться на художественность. Это мало связано с твоим переходом в гимназию с профильным изучением гуманитарных предметов. Ты еще не научился читать литературу. Но твои «стихи» нравятся тебе все больше и больше – начиная от процесса и заканчивая результатом.

Перелом наступает в пятнадцать – когда тебе попадает в руки учебник старших классов со стихами Мандельштама, ранней лирикой Маяковского, Пастернака, Гумилева и Северянина. Примерно тогда же ты, кефирный домашний мальчик, открываешь, наконец, для себя все прелести подросткового возраста: несчастную любовь, нелегальный алкоголь, курение тайком от взрослых, русский рок и четыре аккорда на гитаре «Урал». Твои «стихи» тебе больше не нравятся. Складировавшиеся годами тетради уничтожаются. Ты начинаешь все заново. Но и новые никуда не годятся.

После одиннадцатого класса турбулентность усиливается. Как будто реальность пытается компенсировать тебе твоё взросление, с которым ты опоздал на пару лет. За два года после школы ты поступаешь в вуз, в худших сериальных традициях переживаешь первую и вторую любви, открываешь для себя «страшную тайну» реальных родственных связей внутри своей семьи, вылетаешь из вуза, начинаешь работать, уходишь из дома.

Наверное, именно к тому периоду и можно отнести появление твоих еще не текстов, как потом ты будешь их называть, избегая ненужной патетики и неприятного осадка, тянущегося из детства, а «пра-текстов». Немалая заслуга в этом принадлежит сборнику Романа Тягунова, который стал для тебя в твои семнадцать мостиком между шестидесятниками и современниками. Но, что интересно, тебя еще не начал мучить вопрос о том, являешься ли ты дрожащей тварью или имеешь право заниматься тем, чем занимаешься.

Этот вопрос встанет в девятнадцать, когда первые неровные тексты все же начнут получаться, а необходимость поделиться ими с людьми понимающими встанет остро как никогда. Ты уже понял, что писать нужно только на современном языке, увидел, что необходимо стремиться не только к художественности, но и сюжетности, примерился к тематике, нащупал образ, но то ли это самое?

Конечно, к тому времени ты уже успел посмотреть на настоящих поэтов и писателей. В девятом классе твои «стихи» на региональном конкурсе с уголовным названием «Серебряное перышко» отметил Владислав Крапивин. В десятом классе на городском фестивале «Дебют» их разгромил Олег Дозморov. На первом курсе ты совершил хождение в журнал «Урал», где вначале тебя зацепил плечом на лестнице нервный молодой человек со шрамом под левым глазом, а затем дал от ворот

поворот Николай Мережников. Ну а лекции по литературе, которые тебе читали в университете Юрий Казарин и братья Пресняковы, и вовсе воспринимаются тобой как должное.

Однако всего этого недостаточно, и ты предпринимаешь отчаянные попытки завести более тесное знакомство с кем-то, кто сможет тебе что-то подсказать. Благо, журналистская деятельность дает для этого поводы.

Вряд ли твой путь можно назвать оригинальным и в этом. Первым, кто обращает на тебя внимание, становится Евгений Касимov, у которого ты берешь интервью про его книжку «Город-призрак». Затем ты заводяшь знакомство с Сергеем Ивкиным, который приводит тебя в клуб «Свезар». Примерно тогда же тебя представляют модному культуртрегеру Василию Чепелеву. За редкими исключениями тебя воспринимают благожелательно. И хотя твои авторские амбиции немного опережают возможности, тебя так и тянет «растрясти екатеринбургское болото».

Ты еще ничего не знаешь ни про премию «Мрамор», ни про группу «Интернационал», но тебя не покидает ощущение, что то значение, которое поэзия имела еще в середине 60-х годов, было утрачено ею совершенно несправедливо, если не сказать случайно. Ты убежден, что то безразличие к ней, которое ты видишь в общественной жизни в начале двухтысячных, – это массовое заблуждение, которое необходимо исправить. Тебе кажется, что другие люди любят поэзию не меньше твоего, просто ничего не знают о ней современной. А значит нужно им о ней поведать.

Вместе с Сергеем Ивкиным вы пишете манифест творческой организации «ЧО», призванной объединить поэтов, художников и музыкантов. Релизы о создании организации отправляются в екатеринбургские информационные агентства, а Сергея даже приглашают на местное телевидение. Но первым и последним творческим проектом «ЧО» становится акция, проведенная в поддержку закрывающегося Музея молодежи весной 2003 года. На этой акции вы читаете свои тексты и пьете вино прямо на сцене.

А еще через некоторое время, вскоре после своего 22-летия, ты отправляешь документы в Литературный институт, получаешь вызов, а потом переезжаешь жить в Москву.

К тому моменту за твоими плечами уже огромное количество достижений. Целых два раза ты участвовал в слэмах Василия Чепелева, целых три – в вечерах «Свезара», один раз – в поэтическом марафоне Юрия Казарина. Благодаря Сергею Ивкину тебя включили в несколько сборников. А благодаря Евгению Касимову – напечатали в «Уральской нови» и «Урале».

Когда тыходишь в плацкартный вагон поезда «Екатеринбург – Москва», пресловутый вопрос про тварь уже не мучает тебя. Ты убежден, что это право есть, и им нельзя не воспользоваться.

И ты пользуешься.